

С. ВЫШЕСЛАВЦЕВА

Вечера Маяковского

Апрельские вечера Маяковского повторяются каждый год по установленной схеме: неизменно председательствует Безыменский, неизменно читает свой очерк Кассиль, с таким же темпераментом — и, увы, с теми же ошибками! — исполняет «Советский паспорт» бригадник Вальдман; так же волнуется публика, поджидая под конец вечера главный «гвоздь программы» — Яхонтова... Выступают почти исключительно личные друзья Маяковского: Брик, Асеев, Перцов и др.

По такой схеме прошли и в этом году вечера, организованные ССП: 13-го в МГУ и 14-го в ДСП, с той лишь — правда, довольно существенной — разницей, что первый был перегружен и в общем прошел оживленно, второй же был явно «жидковат» и едва-едва вообще не сорвался: обозначенные в программе писатели были представлены в ДСП только Безыменским и Шкловским — председателем и докладчиком.

Между тем, приглядитесь, как жадно внимает публика, особенно молодежь, каждому живому слову живых людей о живом Маяковском! Как хочется ей услышать на этих вечерах крупнейших представителей советской литературы и критики! Когда поймут наши писатели, что вечера Маяковского (и не только в апреле!) — дело не администратора т. Лавута и группы друзей Маяковского, а их общее писательское дело? Когда они, наконец, придадут им более широкий общественный характер и размах? Наступит ли такой момент, когда само правление ССП будет составлять план и контролировать содержание всех выступлений о Маяковском, когда оно будет интересоваться тем, что и как читают чтецы, на которых лежит ответственной задачей — донести до аудитории слово самого Маяковского?

Репертуар чтецов до такой степени случаен и несогласован, что на вечере ДСП, например, читались почти исключительно «заграничные» стихи Маяковского и не прозвучало ни одной сатиры Маяковского последних лет на советские темы — столь нужной, столь актуальной и сейчас! На вечере в МГУ пропел этот воспевший только артистка Кайранская, горячо и очень кстати исполнившая «Столп», «Служаку» и «Любовь». В. Яхонтов в своих «монтажных» целях читал не только Маяковского, но и например... Гусева, в пределах же Маяковского перескакивал беспрепятственно с «Хорошо» на «Ленина» и обратно, иногда оставляя даже висеть в воздухе рифмы... Если принципы литературного «монтажа» являются вообще спорными, то применение их здесь, на вечере Маяковского, было уж бесспорно неуместным!

Обилие ошибок в словах, в рифмах, искажение ритма (а, следовательно, и интонации!) Маяковского большинством чтецов свидетельствуют об отсутствии у нас настоящей культуры звучащего стиха, — вопрос острый и важный, о котором следует, наконец, говорить всерьез! Очень огорчает, что «Бригада Маяковского» не делает ощутимых успехов ни в смысле расширения своего репертуара, ни в отношении самой подачи текста. А, в сущности говоря, кто другой, как не они, должны были бы показывать профессионалам образцы безукоризненно точной, правильной, грамотной читки Маяковского.

Исполнение стихов в ДСП было выделено — что уже принципиально неверно — в особое «концертное отделение»... Посмотрел бы Владимир Владимирович на Дом писателя в ту минуту, когда на фоне его портрета, довольно безвкусно украшенного цветочками в горшочках, сидел... виолончелист (ничего не желаю сказать о

нем лично плохого), и растроганная публика внимала меланхолическим звукам Рахманинова! Как разнес бы он своим бичующим остроумием весь этот ненужный «заупокойный дом»!

А. Безыменский в своем вступительном слове (в МГУ и в ДСП) подчеркнул боевое, мобилизующее значение стихов Маяковского.

На с'езде писателей врагом народа Бухариным была сделана, — говорит он, — попытка диверсии: с одной стороны, Маяковский — «классик», с другой — его время прошло. С Маяковским Бухарин хотел вывести из строя всех представителей политической поэзии. Противопоставление Маяковскому Пастернака имело такой же смысл, какой имело при жизни Маяковского противопоставление ему Есенина.

— Маяковский — наше знамя, он живет с нами каждой своей строкой, «да здравствует Владимир Маяковский!» — восклицает т. Безыменский. «Доклад» В. Шкловского в ДСП состоял из двух-трех положений. Прежде всего, было бы правильнее называть доклад не «Политическая поэзия Маяковского», а «Нечто о Маяковском как о политическом поэте».

— Маяковский нес огромный груз нового призвания поэта. Он хотел стать и стал голосом революции. «Звуки новые», о которых говорил Пушкин в первоначальном варианте «Памятника», это звуки народного тонического стиха; к нему прибегал еще Радищев, о нем писал и Восток, называя его «стихом-сказом». Пушкин наметил задачу, Маяковский ее завершил: создавая новую поэтическую систему, он приходит к народному стиху, ибо только этот стих мог выразить революцию. «Маяковский был предсказан Пушкиным» — так формулирует Шкловский это свое положение.

Маяковский — лирик и он — политический поэт. Тема любви — это его политическая тема, ибо он вел спор не за свое только счастье! Ощущение вечности, связанное с созерцанием звездного неба, млечного пути, не покидало Маяковского: он поднимал один трудное и серьезное дело создания новой поэзии и нес его до конца пред лицом истории и вечности. Маяковский шел впереди времени, часто он бывал понят не сразу; характерный факт: «Стихи о советском паспорте» лежали год в редакции «Огонька» непечатанными... Советская политическая поэзия, поэзия победившего социализма должна быть поэзией самого большого напряжения и подъема. Маяковский еще не победил, он начал, но дело его не продолжено, — заключает В. Шкловский.

О Маяковском-лирике говорили и в МГУ.

Социалистическое преобразование лирики — одна из важнейших сторон творчества Маяковского, — говорит т. Перцов.

Маяковский сломал грани между эпосом и лирикой: он повествует о событиях и вместе с тем говорит о своем внутреннем состоянии, все события в жизни общества ощущаются им как свои личные. Цитируя отрывки из «Хорошо», т. Перцов показывает, как лирическая тема любви и родины проходит насквозь через все повествование поэмы.

О. Брик подробно остановился на задаче создания биографии Маяковского, указав на особые трудности, которые возникают при этом. Во-первых, Маяковский еще далеко не превратился в «классика», т. е. не отошел в историю; во-вторых, Маяковский — не Пастернак: 1912—1930 годы он прожил не календарно, он прошел колоссальный творческий путь вместе с революцией, которая его формировала и с которой вместе он рос; в-третьих, Маяковский сам несколько не беспокоился о своей биографии, он беспощадно уничтожал все материалы для будущего биографа, время от времени выгребая из

ящика своего стола всякую «грязную бумагу»; в-четвертых, в своей автобиографии Маяковский переврал многие даты и, между прочим, неправильно датировал начало своей поэтической работы (с 1909, а не с 1912 года); в-пятых, Маяковский писал обычно на чем попало — на клочках, на коробках, на бумажках от конфет и пр.

До сих пор поэту не исключена возможность открыть что-либо новое из работы Маяковского. Брик, а за ним т. Катанян напоминают, как стихи для Моссельпрома, непечатанные теперь в IV томе, были открыты только через специальное обращение в «Вечерней Москве», на которое откликнулся кладовщик — коллекционер старых бумажек и оберток...

На вечере ДСП выступил английский поэт т. Герберт Маршалл — переводчик Маяковского, сообщивший ряд интересных фактов. Англичане читают давно Чехова, Достоевского, но о Маяковском ничего не знали до последнего времени. Теперь в молодом «Рабочем революционном театре» начали читать стихи, в том числе Маяковского, со сцены, благодаря чему появился интерес к его творчеству в более широких массах. Г. Маршалл прочел ярко и довольно поэмы переведенный им отрывок из поэмы «Хорошо».

На вечере в МГУ Н. Асеев прочел с большим подъемом две главы из поэмы «Маяковский начинается», а К. Чуковский поделился воспоминаниями о первом своем знакомстве с Маяковским и рассказал, как был создан «Чукроста», т. е. посвященный ему шуточный цикл картинок с подписями.

Л. Кассиль подчеркнул, что Маяковский был таким, как он описан у него в очерке, только в пестрой аудитории Политехнического музея, где, он знал заранее, будет много его противников, готовых его «поддеть», и что он «был совсем другим» — терпеливым учителем и товарищем — в рабочей аудитории.

Из иностранных поэтов в МГУ участвовали Ан. Гидаш и польский поэт т. Станьдэ, блестяще прочитавший свой перевод поэмы «Во весь голос».